

Всё на самом деле очень просто: Ван Ши с самого детства был толстяком, и в старшей школе нашлись те, кто любил издеваться над ним, говоря, что он и лицом уродлив, и жрёт как не в себя.

— В тот день эта свора поганых псов снова попыталась отобрать у меня деньги, загсанув меня в туалет. Я тогда был толстым и трусливым, даже после грабежа боялся кому-либо рассказать, не говоря уже о родителях. В тот день они не просто забрали мои деньги, они меня избили. — Ван Ши сидел на стуле, утирая слёзы, и его эмоции наконец улеглись.

— По чистой случайности в туалет зашёл Цы Ханьсун и остановил их. В нашей школе каждый знал Цы Ханьсуна, все ведали, что он богат и отлично учится. Те хулиганы не смели его задирать. Когда меня спасли, он сказал мне не бояться их, а если совсем прижмет — обратиться в полицию или просто забить этих дебилов до смерти. — Вспомнив что-то, он невольно хихикнул. — Он ещё называл их дрыщами. Сказал, чтобы я больше ничего не боялся. Позже я и сам пустил в ход кулаки, отчаянно сопротивляясь, и та шайка и вправду не смогла меня одолеть. Только тогда я понял, что у меня не просто рыхлый жир, а огромная силища.

— Он ведь на самом деле такой хороший человек. — Ван Ши взглянул на суровые, леденящие кровь черты лица Лян Циншэна, и его вновь захлестнула скорбь. — Такое прекрасное нетронутое создание — и как только тебе удалось его заполучить?

Лян Циншэн так разозлился, что едва не замахнулся на него кулаком. Бросив на него холодный взгляд темных глаз, он недовольно бросил:

— Не пытайся мной манипулировать, мать твою, Цы Ханьсун ведь даже слова против не сказал.

— Ладно, ты его стоишь. Только смотри не обижай его, будь с ним хорош, ууу. — Ван Ши вел себя точь-в-точь как родственник со стороны невесты, попутно грозя ему кулаком.

Лян Циншэн закатил глаза. Чувствуя себя немного неуверенно, он не стал продолжать словесную перепалку, однако взглянул на Цы Ханьсына совершенно по-новому: он и представить не мог, что тот окажется столь отзывчивым человеком.

— Ну всё, хватит. Разве не здорово, что сейчас Цы Ханьсун и Сань-цзы вместе? Ты стал ещё ближе к своему кумиру. — Шэнь Хэ продолжал играть в видеоигру, но на голове у него красовался лишь один синий наушник с кошачьими ушками, а второе ухо было открыто, чтобы слушать свежие сплетни.

— По-твоему, не нужно держать дистанцию от жизни кумиров? — Простодушные глазки-щелочки Ван Ши презрительно покосились на него.

— О, тогда, когда мы пойдем в ресторан, ты, может, не пойдешь? — с усмешкой глядя на него, протянул Люй Гэ.

— А вот и пойду! — Ван Ши сердито зыркнул на него, и его глазки размером с кунжутное зернышко округлились до размеров маша.

— Эх, Сань-цзы, что ни говори, а этот парень определенно лучше предыдущего. Посмотри, какой он обходительный! Прошло всего несколько дней, как они сошлись, а он уже зовет нас всех поужинать. Чужая еда в рту застревает, так что после такого нам придется говорить о нем побольше хорошего, — вздохнув, произнес Люй Гэ, вспомнив, как однажды встретил Фэн Ли и даже хотел с ним поздороваться.

Тот ведь прекрасно его видел, но просто развернулся и ушел, сделав вид, будто незнаком с ним. От этого на душе у Люй Гэ остался неприятный осадок.

— Не говори о посторонних людях. — Тяжело бросив на него взгляд, Лян Циншэн переоделся в спортивную форму, взял баскетбольный мяч и собрался идти на площадку.

У него была привычка: вечерами, если не было дел, он всегда ходил поиграть в баскетбол. А в другом общежитии университета Б тоже приняли решение и собирались сегодня вечером отправиться на баскетбольную площадку, чтобы найти Лян Циншэна, купить ему чай с молоком и объяснить.

Но он еще не вышел из комнаты, потому что целых полчаса мучился с выбором одежды, да к тому же собирался слегка накраситься и всё такое, так что на это могло уйти еще больше времени.

К тому же он сейчас сильно горевал, ведь Цы Ханьсун «случайно» опрокинул флакон с духами, которые ему подарил Лян Циншэн, и те разбились вдребезги.

Хотя Цы Ханьсун возместил ущерб, выплатив сумму, превышающую стоимость в три раза, Фэн Ли всё равно чувствовал себя глубоко несчастным, хотя винить его дальше уже было неудобно — он лишь жалобно и скорбно, с горькой обидой во взгляде смотрел на него.

Зато Цинь Цзыжуй яростно пялился на него, сквозь зубы ругаясь на чем свет стоит, и помогал Фэн Ли убирать осколки стекла.

Цы Ханьсун небрежно взглянул на него, и его голос прозвучал холодно: — Хочешь, я переведу тебе половину суммы, только бы ты заткнулся?

Цинь Цзыжуй в изумлении посмотрел на него, нерешительно поджал губы и, прежде чем успел что-либо сказать, увидел, как Цы Ханьсун со злорадной усмешкой холодно смотрит на него: — Шас губу раскатал. Мои деньги — даже если нищему отдам, тебе не достанется.

Сразу после этого Цинь Цзыжуй едва не разразился бранью, но Цы Ханьсун пребывал в прекрасном настроении: он переоделся в худи цвета электрик и серые повседневные брюки.

С громким стуком дверь захлопнулась.

Он направился в сторону университета Лян Циншэна. Цинь Цзыжуй не смел устраивать никаких пакостей: после того, как он втайне вылил воду на его кровать — столь детская выходка, — тот просто взял и изрезал его простыни в клочья. Он даже подсыпал всякой дряни ему в шампунь, а когда тот это обнаружил, чуть не заставил выпить всю бутылку до дна, после чего Цинь Цзыжуя пришлось отправлять в больницу на промывание желудка. С тех пор тот больше не смел устраивать мелкие пакости.

Цы Ханьсун бывал в университете Лян Циншэна так часто, что уже знал там каждый угол. В первый день занятий, увидев, как Лян Циншэн застилает постель в их общежитии, он был поражен до глубины души: при дневном свете этот человек оказался еще более в его вкусе, чем в полумраке тусклых ламп.

Он уже собирался с ним поздороваться, как из туалета вышел какой-то парень, с улыбкой взял Лян Циншэна под руку и представился его парнем.

Тогда Лян Циншэн лишь бросил на него косой взгляд — на его суровом лице не дрогнул ни один мускул, — после чего молча продолжил застилать простыню.

Сидя на своем стуле и глядя на открытые руки Лян Циншэна — на его смуглую кожу с рельефными буграми мышц, на капли пота, скатывающиеся за ухо, и на жесткие волосы, — Цы Ханьсун чувствовал, как от человека буквально исходят волны мужской силы, хотя тот всего-навсего застилал постель, то и дело взмахивая руками и обнажая полоску крепкого живота.

Лед в стакане с холодным напитком в руке Цы Ханьсуна давно растаял, превратившись в воду, которая уже намочила стол, прежде чем хозяин наконец сделал жалкий глоток, чтобы утолить жажду.

В следующий раз он встретил Лян Циншэна, когда приносил документы: между их колледжем и университетом Б существовала программа сотрудничества. Тогда он случайно увидел Лян Циншэна на баскетбольной площадке.

Тот был весь в поту, его мышцы после физической нагрузки казались невероятно соблазнительными. Он схватился за край майки, чтобы вытереть пот со лба, и обнажил смуглый пресс — отчетливые кубики, идеальной формы, соблазнительного цвета. Прыжок, резкий перехват — в каждом движении чувствовалась огромная сила. Его размашистая улыбка на площадке была ослепительно яркой, а игра отличалась свирепым напором. Когда он шел в обводку, скорость и мощь были такими, что некоторые соперники явно не решались даже пытаться перехватить мяч.

Тогда он простоял там очень долго, забыв и про материалы, которые нужно было отнести, и про то, что пора возвращаться в общежитие. Вместо этого он отправился в гостиницу за территорией школы и почти пол-ночи просидел в ванной, не смыкая глаз. Те документы он отдал только на следующий день до полудня.

Но теперь он мог смотреть на Лян Циншэна совершенно открыто.

Он притащил к баскетбольной площадке целую коробку минеральной воды.

На площадке толпилось много людей: кто-то играл в баскетбол, кто-то пришел специально посмотреть, а некоторые девушки сидели на трибунах, попивая молочный коктейль и любуясь играющими парнями.

Он сразу же заметил Лян Циншэна в черно-белой форме. Хотя весенняя прохлада еще не отступила и до лета было далеко, тот был в футболке и шортах и ни капли не мерз. Его щеки покраснели от интенсивной тренировки, дыхание сбилось, а грудная клетка тяжело вздымалась.

Он отчаянно боролся за мяч с другим парнем, взмыл вверх, блокируя бросок, перекрывал траекторию и давил на каждом шагу. Благодаря своему высокому росту и длинным рукам он словно запер соперника в замкнутом пространстве.

Пользуясь моментом, пока тот вел мяч, он ударил ладонью по мячу с такой силой, что тот с гулким звуком отлетел в сторону. Мгновенно подхватив мяч, он развернулся и побежал к кольцу соперника, где как раз заметил Цы Ханьсуна, прислонившегося к стойке.

Его шаги на секунду замедлились, взгляд скользнул по лицу Цы Ханьсуна, после чего он снова сорвался с места.

Бежал он невероятно быстро, словно порыв ветра. Несмотря на толпу перед ним, он легко лавировал среди людей, мощным толчком взмыл в воздух и забил мяч сверху.

Цы Ханьсун смотрел на него — стремительного, полного сил, похожего на бросившегося в прыжок леопарда, который настигает и прижимает к земле свою добычу. На мгновение его сердце замерло, и лишь когда баскетбольный мяч ударился о землю, он снова почувствовал собственный пульс.

Лян Циншэн привычным движением хотел было вытереть пот краем майки, но, перехватив прямой, немигающий взгляд Цы Ханьсуна, широко улыбнулся и демонстративно опустил край ткани, вместо этого утираясь одолженным у плеча полотенцем.

Цы Ханьсун недовольно поджал губы, его лицо похолодело, а темный взгляд за стеклами очков стал еще глубже.

Лян Циншэн направился к нему, и прежнее ледяное выражение тут же растаяло. В руке он с силой сжимал бутылку воды, протягивая ее приблизившемуся Цы Ханьсуну.

Лян Циншэн без лишних церемоний принял ее. Остальные игроки тоже остановились и стали

приближаться, поглядывая на них с любопытством.

Под горящими взглядами окружающих Цы Ханьсун, хоть и привык быть в центре внимания под прицелом сотен глаз, все же смутился и тихо произнес, обращаясь к Лян Циншэну: — Это я купил воду. Позови остальных, пусть тоже возьмут.

Лян Циншэн, уже было собравшийся отвинтить крышку, замер. Он посмотрел на полную коробку минеральной воды у своих ног, и его выражение лица внезапно стало глубоким и сосредоточенным. Встретившись взглядом с холодными глазами Цы Ханьсуна, он почувствовал, как сердце забилося чуть быстрее — возможно, от слишком интенсивной игры.

— Эй, идите все сюда, берите воду! Мой парень купил, разбирайте по бутылке, — обернувшись, бросил Лян Циншэн. Слова были простыми, но их услышали все.

На мгновение воцарилась тишина, сменившаяся дружным улюлюканьем. Парни всегда были такими живыми и шумными: отдавая дань уважения, каждый подошел за своей бутылкой, а заодно позвали ребят с соседней площадки.

Все они были друзьями Лян Циншэна, безо всяких дурных мыслей, и эти добродушные улыбки заставили пальцы Цы Ханьсуна чуть замереть и подогнуться, а на сердце потеплело.

— А я ведь слышал, что у брата Ляна есть парень из Сида, да всё никак не удавалось познакомиться. Сегодня глянул — ух, ну и красавец же, — с улыбкой произнес кто-то, сделав глоток.

Видимо, этот человек имел в виду Фэн Ли, но оба парня промолчали, словно молчаливо согласившись с таким положением дел.

— Точно-точно! Невестка... тьфу, то есть братец, а нет ли у тебя еще каких знакомых симпатичных девчонок, познакомишь пару с нами? Я вот тоже хочу, чтобы мне после матча воду носили, — поддразнил другой.

— Вали отсюда, — Лян Циншэн приобнял Цы Ханьсуна за плечо и приглушенным голосом выручил его: — Не слушайте его бред, у него девчонок пруд пруди, нельзя ему хороших девушек портить.

Цы Ханьсун сдержанно улыбнулся, чувствуя на своем плече его руку. Тот был весь в потный, а потому, сжав кулак, чтобы не пачкать ладонь, притянул его к себе. Даже сквозь ткань худи ощущался жар его тела, а плечо тесно прижималось к груди — это была очень близкая и теплая поза.

Уведя Цы Ханьсуна подальше от подшучивающей толпы, Лян Циншэн наконец снова открутил крышку и принялся пить. Его пересохшее горло жадно впитывало влагу, словно иссушенная

травы под долгожданным дождем, и половина бутылки опустела в один присест.

Его выступающий кадык ходил вверх-вниз, в уголках рта блестели капли воды, а по вискам скатывались капли пота, стекая к подбородку и заставляя слегка подрагивать четко очерченную линию челюсти.

Цы Ханьсун не сводил глаз с его кадыка и капель пота, и его темный взгляд стал еще глубже. Чувствуя, как у самого пересыхает в горле, он слегка облизал губы, а глаза за очками отчаянно запылали.

— На что пялишься? — Лян Циншэн опустил взгляд на него, слегка приподнял брови, прищурил лисьи глаза и, обнажив белые зубы, усмехнулся: — По слюнкам вижу, что сглотнуть захотелось.

Цы Ханьсун невозмутимо поправил очки на переносице, посмотрел на него и прямо ответил: — На твои кубики пресса и грудные мышцы. Укусить хочу.

Видя, с каким серьезным видом тот выдает подобные пошлые вещицы, Лян Циншэн не удержался — закинул руку ему на шею и тихо прошептал на ухо: — Будь у тебя не такая мордашка, тебя бы точно приняли за какого-нибудь маньяка и засудили за домогательства.

Охваченный за шею Цы Ханьсун прижался к его груди, запрокинув голову и глядя на него снизу вверх с легкой улыбкой в уголках глаз: — Ой. Спасибо родителям за это прекрасное личико.

— Чертовски бессовестный, — со смешком выругался Лян Циншэн, отпуская его и наклоняясь за своей курткой.

Бросив отдыхающей компании, он крикнул: — Играйте дальше, я пошел!

— Тц-с! — посмеиваясь, парни изобразили ему жест, мол, давай вали скорее.

<http://bllate.org/book/21585/2224503>